

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2011
XX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
689
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Т о м Х Х

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 689

СОДЕРЖАНИЕ

1851-1865	«Птицы Астраханского края» –
неосуществлённые мечты В.А.Хлебникова.
Ю . С . Ч У Й К О В
1865-1868	К экологии щура <i>Pinicola enucleator</i>
на Западном Алтае. Б . В . Щ Е Р Б А К О В
1869-1870	Рыжепоясничная ласточка <i>Cecropis daurica</i> –
новый вид авифауны Командорских островов.
Д . Ю . У Т К И Н , В . В . Ф О М И Н
1870-1871	Вяхирь <i>Columba palumbus</i> –
новый гнездящийся вид Алма-Аты.
Ф . Ф . К А Р П О В , Н . Н . Б Е Р Е З О В И К О В
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X
Express-issue

2011 № 689

CONTENTS

1851-1865	«Birds of Astrakhan territory» –
unfulfilled dreams of V.A.Khlebnikov.
Yu.S.CHUIKOV
1865-1868	To ecology of the pine grosbeak
<i>Pinicola enucleator</i> in Western Altai.
B.V.SHCHERBAKOV
1869-1870	The red-rumped swallow <i>Cecropis daurica</i> –
a new bird species of Komadrorskie islands.
D.Yu.UTKIN, V.V.FOMIN
1870-1871	The wood pigeon <i>Columba palumbus</i> – a new
breeding bird of Alma-Ata. F.F.KARPOV,
N.N.BEREZOVIKOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

«Птицы Астраханского края» – неосуществлённые мечты В.А.Хлебникова

Ю.С.Чуйков

*Юрий Сергеевич Чуйков. Кафедра экологии, Астраханский государственный университет.
E-mail: us.chuikov@mail.ru*

Поступила в редакцию 2 августа 2011

Об орнитологических трудах В.А.Хлебникова я уже писал в статье, опубликованной в «Русском орнитологическом журнале» (Чуйков 2011). Продолжая эту тему, приведу информацию о поисках рукописи его основного труда – «Птицы Астраханского края».

Делом всей жизни, наиважнейшим (после семьи и детей, конечно) была работа Владимира Алексеевича над «Птицами Астраханского края». Что это должен был быть за труд, представить теперь можно только по отрывочным материалам и переписке. Есть сведения, что к концу тридцатых годов прошлого – двадцатого – века это была довольно объёмная рукопись.

Она исчезла.

В 1997 году были изданы дневники и другие материалы художника Петра Митурича (мужа Веры Хлебниковой – дочери Владимира Алексеевича). В этой книге, в частности, было приведено его завещание, в котором сказано, что всё его имущество состоит:

- «1. Из рукописей Велимира Хлебникова и его рисунков;
2. Живописи, рисунков и рукописей Веры Хлебниковой, моей жены;
3. Живописи, рисунков, рукописей, патентов и моделей моего творчества;
4. Пожиток нашего обихода и иконографического материала;
5. Писем и рукописей Екатерины Николаевны и Владимира Алексеевича Хлебникова».

Всё это Петр Митурич завещает: «Взять в своё распоряжение сыну моему возлюбленному Маю Петровичу Митуричу-Хлебникову с тем, чтобы он взял на себя труды донести до света наши труды, умно, с наименьшим повреждением собрания, присоединив к ним и свои труды, начиная с 4-летнего возраста. П.Митурич 1943 г.».

В комментариях к этой публикации (авторы Май Митурич, Василий Ракитин, Андрей Сарабьянов) сказано: «Архив В.А.Хлебникова частично был передан М.Митуричем в Калмыкию..., а частично – в РГАЛИ и Дом-музей Велимира Хлебникова в Астрахани».

Была ли среди этих материалов рукопись «Птиц»? Возможно...

Я занимался её поисками. Но они не увенчались успехом.

Как говорится, одна надежда на правоту булгаковских строк, что рукописи не горят.

В 1931 году Владимир Алексеевич и Екатерина Николаевна переехали в Москву к дочери Вере. В это время рукопись ещё, очевидно, находилась у автора. Хотя, возможно, какие-то варианты или копии её уже были переданы в различные организации в поисках возможности публикации. Но у меня сложилось впечатление, что Владимир Алексеевич не спешил с публикацией. Он всё улучшал и улучшал работу. Это её и погубило...

Итак, куда могла пропасть рукопись?

Есть несколько вариантов. Правда, не известно сколько её копий существовало. Предположим, что их было несколько. Тогда одна из них, очевидно, хранилась у самого Владимира Алексеевича. После его смерти она должна была остаться в семье Митуричей. Документы они хранили хорошо. Об этом свидетельствует достаточно объёмный фонд Велимира Хлебникова, переданный в РГАЛИ. Кое-что осталось и для музея Хлебниковых в Астрахани.

Поэтому свои поиски я начал с ближайших родственников. В те годы я часто бывал в Москве, в том числе и у Мая Петровича Митурича. Обнаружить рукопись «Птиц» в его материалах не удалось. Позже Май Петрович сообщил мне, что часть материалов Владимира Алексеевича он отправил в Элисту: «Я действительно отправил значительную часть архива Владимира Алексеевича в Калмыцкий краеведческий музей. По моим сведениям, часть этого архива присвоил себе тогдашний сотрудник музея некто ...(фамилию сотрудника упускаю намеренно, хотя в письме она указана – Ю.Ч.), который вскоре перестал там работать и уехал куда-то (он приезжал ко мне в Москву за бумагами)» (из письма Мая Петровича ко мне в ноябре 1986 г.).

Все мои обращения в Калмыцкий музей по поводу хранящихся там материалов В.А.Хлебникова (и пятнадцать лет назад, и сейчас) остались без ответа.

Май Петрович сообщил мне также, что материалами Владимира Алексеевича интересовались сотрудники Астраханского заповедника и некоторые другие астраханцы. Об этом имеются сведения и в письмах Екатерины Николаевны Хлебниковой: к ней в Москву уже после смерти Владимира Алексеевича приезжал какой-то сотрудник заповедника за материалами о нём. Мне представляется, что это был Александр Григорьевич Дюнин, но об этом позже.

М.П.Митурич в восьмидесятые годы переслал мне текст письма, который сопровождал следующим комментарием:

«По поводу бумаг Владимира Алексеевича Хлебникова я нашёл письмо, которое теперь не вполне для меня понятно (почему из Баку? Может быть, там главное управление или издательство было?)».

Письмо из Баку было написано Александром Григорьевичем Дюниным, бывшим директором Астраханского заповедника, жившим в то время в Баку. Вот оно:

Уважаемый Май Петрович!

Орнитолог Астраханского заповедника Геннадий Андреевич Кривоносов прислал мне письмо от 1 ноября 1963 года с просьбой сообщить имеющиеся у меня сведения о жизни и деятельности Владимира Алексеевича Хлебникова: дело в том, что руководство заповедника в 1963 г. подготовило к выпуску восьмой том сборника научных трудов заповедника и намеривалось посвятить этот сборник памяти Владимира Алексеевича.

20 ноября 1963 года я выслал Кривоносову имевшиеся у меня материалы о Владимире Алексеевиче, но использовать их не удалось из-за недостатка времени, так как сборник был выпущен из печати в том же 1963 году.

Из дальнейшей моей переписки с Кривоносовым для меня выяснилась необходимость накопления материала о Владимире Алексеевиче, т.к. не исключена возможность посвящения его памяти одного из последующих сборников научных трудов заповедника. С этой целью я и обратился к Вам 1 марта 1969 года за биографическими сведениями о Владимире Алексеевиче. От Вас я получил ценный материал, за который и приношу Вам глубокую благодарность. По Вашему совету я обратился также к директору краеведческого музея Калмыцкой АССР т. Болдыреву, от которого получил канцелярскую отписку на открытке в три строчки.

Так как с выпуском сборника в память В.А.Хлебникова дело затянулось, то Г.А. Кривоносов договорился с руководством Астраханской газеты «Волга» поместить в этой газете, пока, статью о Владимире Алексеевиче за его и моей подписью.

Такая статья была написана и опубликована в солидном сокращении указанной газетой 6 октября 1965 г. в № 236 (13840) под названием «Он был защитником природы».

Приходится, видимо, запастись терпением и поджидать более благоприятных условий для положительного разрешения этого вопроса: тов. Кривоносов не теряет надежды на благоприятное завершение этого дела.

С уважением, А.Дюнин, 27 апреля 1966 г. Баку

Дело это, к сожалению, так и не завершилось. Биографическую справку, высланную Мае Петровичем Дюнину, мне разыскать удалось. Приведённые в ней данные сейчас общеизвестны. А вот о том, где теперь материалы самого Дюнина, отправленные им Кривоносову в 1963 году, сведений нет. Они так и не были нигде опубликованы. Неизвестно даже, что это были за материалы. Была ли среди них рукопись «Птиц», тоже не известно.

В тот период, когда я занялся сбором материалов о семье Хлебниковых, А.Г.Дюнина уже не было в живых. Я разыскал в Баку его дочь — Киру Александровну, бывал у неё дома, и какое-то время мы переписывались (после распада СССР она переехала в среднюю полосу России, прислала мне оттуда несколько писем, но вскоре наша переписка оборвалась...). Она подарила мне коллективную фотографию,

на которой были изображены, очевидно, сотрудники Астраханского лесного ведомства и среди них – В.А.Хлебников и А.Г.Дюнин (остальные неизвестны). Я позже передал эту фотографию в музей Хлебниковых. Владимир Алексеевич на этой фотографии выглядит как настоящий Патриарх – Патриарх заповедного дела. Сильно увеличенный его портрет, являющийся фрагментом этой фотографии, украшает теперь один из залов музея...

Никаких сведений о рукописи «Птиц» Кира Александровна мне не смогла сообщить – была ли она у её отца или нет, она не знала. Так оборвался этот – бакинский – след.

Примерно в эти же годы (во второй половине восьмидесятых) я встретился в Москве с Тиграном Мелькумовичем Турпаевым (к сожалению, теперь тоже покойным) – видным учёным-биологом, в то время директором одного из известных московских научно-исследовательских институтов. Отец его – Мелькум Иванович – жил в своё время в Астрахани, работал в ихтиологической лаборатории, участвовал в работе комиссии по созданию Астраханского заповедника. Был он знаком с Хлебниковым. Но у него не сложились отношения с тогдашним руководством лаборатории – Чугуновым и Киселевичем, в результате этого Турпаев уехал в Москву. Сам Тигран Мелькумович в свои студенческие времена бывал на практике в Астраханском заповеднике. Он передал мне несколько фотографий тех времён. Я использовал их потом при оформлении зала истории заповедника на Дамчике.

Естественно, я расспросил его о рукописи В.А.Хлебникова. Тигран Мелькумович сказал мне, что слышал от отца что-то об этой рукописи. Он (отец) даже как-то был причастен к её судьбе. Как будто бы она ходила по рукам у московских учёных, но издать её здесь не смогли и переправили в Ленинград. Скорее всего, считал Турпаев, к Дубининым – в молодые годы студентам-практикантам Астраханского заповедника из Ленинградского университета, позже ставшими видными учёными-паразитологами. Так наметился ленинградский след.

Естественно, что после этого я обратился к Оресту Александровичу Скарлато – тогда директору Зоологического института Академии наук СССР. Туда отправлял свои коллекции Владимир Алексеевич Хлебников. Я бывал там в свои «молодые годы» на стажировках, сотрудничал со многими сотрудниками института, а позже защитил там докторскую диссертацию.

Ответ я получил от Елены Всеволодовны Дубининой – дочери Дубининых. Вот что она написала: «К сожалению, архив В.Б.Дубинина не сохранился. Я проверила в оставшихся бумагах, в лаборатории института и в институтском архиве – рукописи книги В.А.Хлебникова нигде нет, а оставшиеся орнитологи ничего не могли мне сказать. После 1938-39 гг. была война, потом Всеволод Борисович (мой папа) мог её

куда-нибудь передать, а после смерти отца мама передавала какие-то оставшиеся рукописи людям, имеющим к ним отношение. К сожалению, её уже 3 года как нет и спросить не у кого. Так что помочь ничем не могу ни я (учёный секретарь института), ни О.А. С уважением, Е.Дубинина».

Так оборвался и ленинградский след...

У меня возникла мысль, а не поискать ли рукопись в Астрахани. Возможно, какой-то экземпляр мог остаться и здесь после отъезда Хлебниковых в Москву.

Официальные поиски в архивах и в Краеведческом музее ничего не дали. Я стал искать людей, которые могли общаться с Владимиром Алексеевичем по работе или каким-либо другим совместным интересам (охоте, коллекционированию и т.п.). От многих я слышал фамилию Добросмыслова. Были предположения, что к нему могли попасть рукописи Владимира Алексеевича уже после смерти последнего. Эту фамилию упоминал и Май Петрович.

В газете «Волга» мне встретилась статья астраханского писателя Александра Сергеевича Маркова «Неутомимый следопыт» (опубликована в конце 1960-х). Прочитав некоторые фрагменты:

«Перебирая в Астраханском архиве дела об организации в 1890 году научно-промышленной выставки в Казани, я натолкнулся на «Список птиц Астраханской губернии» В.Хлебникова, Казань, Типография императорского университета, 1890 г. На титульном листе дарственная надпись: «В петровское общество исследователей Астраханского края». От автора...

Был представлен на казанской выставке и альбом с птицами Низового края и коллекция птиц... А сохранился ли альбом Хлебникова до наших дней?

Мне посоветовали обратиться к старейшему орнитологу Валериану Викторовичу Добросмыслову.

Добросмыслов, несмотря на преклонный возраст, оказался человеком удивительной энергии и отличной памяти.

Он хорошо помнит все новые виды птиц, добытые Хлебниковым. Но куда делся альбом Владимира Алексеевича, Добросмыслов не знает.

Валериан Викторович так же, как и Хлебников, самозабвенно любит природу Волжского понизовья, Прикаспийские бескрайние степи. Окончив в 1908 году Астраханскую гимназию, Добросмыслов поступил на естественное отделение Казанского университета. На каникулы приезжал в Астрахань и целыми днями бродил с ружьем по камышовым крепям. Увлекался таксидермией – наукой о набивке птиц и животных. Тонкий натуралист, он набивал чучела птиц, стараясь сохранить естественность их движений, характерные особенности тех или иных пернатых...

После окончания университета Валериан Викторович стал работать заведующим казёнными землями Астраханской губернии, а после Октябрьской революции – землемером береговых участков на обширном пространстве дельты. Его обмеры и картографические выкладки были использованы при определении будущих границ Астраханского государственного заповедника.

Валериан Викторович, по примеру Хлебникова, стал зарисовывать в альбом птиц, обитающих в низовьях Волги, да и в других местах нашей планеты.

Добросмыслов достал с полки альбом и положил его на стол передо мной. Затем второй, третий... И сразу же я окунулся в царство пернатых – красочный мир, оживлённый талантливой рукой художника-натуралиста...

Долгие годы Добросмыслов заведовал отделом природы в Астраханском краеведческом музее, преподавал естествознание в школе имени Ленина. И везде оставил по себе добрую память, и десятки прекрасно сделанных чучел птиц и рыб».

Во второй половине 1980-х годов, когда я начал заниматься историей семьи Хлебниковых, Добросмыслова уже не было в живых.

Мне удалось, правда, разыскать адрес его вдовы. Она жила тогда в Конаковском районе Калининской (ныне Тверской) области.

Вот строки ее письма:

Здравствуйте, уважаемый Юрий Сергеевич!

Получила Ваше письмо, в котором много вопросов, на которые, к сожалению, не могу ответить, т.к. никаких рукописей Валериана Викторовича не имеется, и где искать не знаю.

При моей жизни с Валерианом Викторовичем с 1952 г. по 1971 г. он воспоминания о тех временах нигде не публиковал, научные или популярные работы не писал. В каких отношениях Валериан Викторович был с В.А.Хлебниковым и его семьей мне не известно...

Фотографии Валер. Викт. в заповеднике или вместе с кем-нибудь из Хлебниковых не сохранились.

О создании заповедника Валериан Викт. говорил мне, когда мы с ним ездили на моторке в заповедник, что создателями были он, В.А.Хлебников и ещё называл кого, не помню.

Рукописи В.А.Хлебникова, высланные его родственниками в Астрахань к Валериану Викт. не попадали, и об этих рукописях ничего не говорил».

В это письмо Екатерина Георгиевна Добросмыслова вложила вырезку из газеты «Волга» с уже упоминавшейся статьей Маркова «Неутомимый следопыт», с просьбой по прочтении выслать её обратно (что я и сделал). Был также совет обратиться в Астраханский краеведческий музей к Октябрине Сергеевне Винокуровой – дочери Добросмысловой (своих детей у В.В.Добросмыслова, насколько мне известно, не было). Встреча с Винокуровой новой информации не дала, но она посоветовала мне поговорить с таксидермистом музея, который, по её словам, был учеником Валериана Викторовича.

С этим таксидермистом я был давно знаком. Очень оригинальный и интересный человек, заслуживающий отдельного рассказа (или повести), он был хорошим таксидермистом и замечательным рассказчиком. А хорошие рассказчики для красного словца часто любят и приврать. Зная эту его особенность, я привожу здесь пересказ беседы с ним на интересующую меня тему, предупреждая, что к этому рассказу

нужно относиться очень осторожно, так как не известно, что здесь правда, а что – вымысел.

По этой же причине я не упоминаю здесь имени этого человека, называя его просто Таксидермист (в Астрахани он хорошо известен).

Вот я в гостях у Таксидермиста. В музее он делает всё – реставрирует церковные головные уборы, церковные ювелирные изделия (все из захоронений Успенского собора). Реставрирует иконы (холсты и доски) и т.д. Дома – тоже, что и в препараторской музея: на стенах рога животных, на полках много старых книг, раковины. Две витрины с камнями – в одной горные породы, в другой – осадочные. На «кровать» (это просто деревянный топчан) – чьи-то шкуры. Морские раковины, старые таксидермистские инструменты. Три старых деревянных кресла с инвентарными номерами обкома. (Кто сидел в этих креслах? Теперь сижу я! – с гордостью восклицает он).

Под витринами чучела броненосцев (завезли в институт лепры – они там умирали, он делал чучела), обезьян, варана, рыб и птиц. На стенах – гипсовые маски (среди них – Пушкина), есть и его собственная маска. На столе голова Нефертити. Видимо, всё сделал сам. Пишущая машинка. Старый фонарь под потолком. В комнате темно, фонарь с цветными стеклами.

Он рассказал мне, что все свои негативы, которых было у Добросмыслова много (он любил фотографировать), он сдавал в музей. Но не сам, а передал Филипченко, и они должны быть в его (Филипченко) фонде. Там же должны быть и карты дельты Добросмыслова. Книги Добросмыслова достались Такидермисту – Брэм и другие.

Таксидермист утверждает, что Добросмыслов убавил себе возраст. Дружил с В.А.Хлебниковым. Веру и Велимира называл молодёжью (он ровесник Велимира). Веру называл «шалашовкой». У него было несколько рисунков Веры. Один из них достался Тексидермисту, но он его мне не показал («не нашёл»). Сказал, что Парнис взял у Добросмыслова рукопись рассказа «Николай» и опубликовал. У Добросмыслова могли остаться таксидермистские инструменты Хлебникова и кое-что из его коллекций. Куда это делось, он не знает.

Вот всё, что мне удалось узнать у Таксидермиста. Но после этого разговора почему-то осталось ощущение, что некоторые раковины и инструменты, лежащие в этой комнате, могли принадлежать Владимиру Алексеевичу. После его отъезда из Астрахани они могли попасть к Добросмыслову, а после его смерти – к его ученику Тасидермисту.

Кстати, известно, что рассказ Велимира Хлебникова «Николай» был опубликован ещё в 1913 году.

Обсудил этот вопрос я, конечно, и с Александром Сергеевичем Марковым, написавшим когда-то, очень давно, очерк о Добросмылове. Он хорошо помнил встречу с этим человеком, хотя с тех пор прошло

уже более тридцати лет. Он живо описал внешность Валериана Викторовича – в профиль похожего на хищную птицу:

«Там, где мы разговаривали, стояло чучело кокой-то хищной птицы, и профиль Добросмылова был так похож на клюв этой птицы, что я так их и зарисовал – рядом. Этот рисунок должен храниться в Краеведческом музее», – сказал Марков.

О рукописях Хлебникова во время их встречи разговора не было. Возможность того, что архивы Добросмылова попали к Филиппченко он допускает. Но, к сожалению, сказал он, вдова после смерти Филиппченко уехала в Саратов и всё имущество увезла туда. Даже отцу Филиппченко, бывшему тогда ещё живым, она не оставила ничего в память о сыне. В музей и архив тоже ничего не сдавала.

Вот на этом мои поиски рукописи Хлебникова оборвались (Чуйков 1996).

А дальше я приведу материалы, позволяющие хоть в какой-то степени судить о труде жизни Владимира Алексеевича Хлебникова – о «Птицах Астраханского края» и не только о них.

В результате всех этих поисков в моих руках оказалось несколько жизнеописаний Владимира Алексеевича. Как известно, существует путаница в дате его рождения. В разных документах указываются разные даты. Возможно, это случайность, а возможно, как это раньше частенько бывало, реальная дата рождения и «паспортная» действительно различны.

В ЦГАЛИ (ф. 527, оп. 1. д. 289) имеется автобиография В.А.Хлебникова. Причём в двух вариантах: рукописный автограф и машинопись с правкой автора. Возможно, что машинопись сделана с автографа, но с сокращениями. Автограф и машинопись оканчиваются разным временем. Машинопись – до 1930-го года, рукопись – примерно до 1931-го года.

Рукопись:

«Жизнеописание гр. Хлебникова Владимира Алексеевича.

Родился 14 (26) VII 1857 г. в Астрахани. Русский. Звание отца: «потомственный почётный гражданин». Занятия родителей: отец имел морские парусные суда (шкуны), которые ликвидировал за несколько лет до смерти, умер в 1871 г.; мать занималась домашним хозяйством, умерла в 1875 г. (Когда умер отец, Владимиру Алексеевичу было 14 лет, когда мать – 18 лет – Ю.Ч.).

Мое образование: среднее – Астраханская классическая гимназия, высшее – Петербургский университет, где кончил курс на естеств. факультете по отделению биологии со званием кандидата естественных наук в 1882 г. Будучи студентом совершил фаунистич. экскурсию в Боров. уезд Новгор. губ. в 1879 г., участвовал в Мурманской экспедиции проф. Зоол. Петерб. универс. М.Н.Богданова в 1880 г. и коллектировал

в дельте Волги в 1881 г. Мои орнитол. наблюдения по Мурм. экспедиции помещены в статье соучастника этой экспедиции А.М.Никольского (ныне академика Киевской академии наук) «Орнитологические наблюдения на Белом море и Мурманском берегу летом 1880 г. (труды ПБ Об-ва естествоиспытателей, 1886 г.).

По окончании образования состоял на госуд. службе: по ведомству Министерства Земледелия и Гос. Имущ. смотрителем Баскунчакского и Чапчачинского соляных промыслов и прилегающих к ним каз. зем. обр. (казенных земель оброчных – Ю.Ч.) статей с 21 V 83 по 5 II 85; попечителем улусов Калмыцкой степи Астрах. губ. Эркетеневского (с 5 II по 8 VII 85) и Малодербетовского (с 8 VII 85 по 8 VII 91 г.); по Управлению уделами управляющим удел. именениями (здесь сноска: «В состав означ. имений входили главным образом леса и в небольшой части с.х. угодья») Подлужанским Ров. и Волынс. губ. с 8 VII 91 по 27 VII 95 г., Помаевским Буинск. у. Симбирск. губ. (с 27 VII 95 по 7. I. 98), Казанским Казанск. у. губ. (с 7 I 98 по 27 IX 1908 г.). Затем вышел в отставку и жил частью на пенсию, частью на заработки по вольному найму: служил район. заведующим с.х. землями и лесами Кр. Зем. (Крестьянского Земельного – Ю.Ч.) Банка по Курмышскому и частью Ардатов. Уездам Симб. губ. в 1910-1912 гг., заведовал частным лесопром. предприятием в Астрахани в 1913-17 гг., составлял коллекцию птиц и зверей в 1918 г. для вновь возникшего Астрах. госуд. университета. С 1 I 19 г. вновь поступил на госуд. службу».

Этот лист написан карандашом и не закончен. Следующий лист написан чернилами рукой В.А. и, частью, повторяет первый. Но есть и разница в тексте.

«2. Звание отца: «потомственный почетн. Гражданин». Занятие родителей: отец имел парусные грузовые суда (шкуны), на которых доставляли грузы в порты Каспийского моря из Астрахани. Промысел этот по слабости здоровья ликвидировал лет за 10 до смерти, умер же в 1871 г. Мать занималась домашним хозяйством, умерла в 1875 г. Отец имел в г. Астрахани каменный о двух этажах дом, доставшийся после смерти отца и матери 4 наследникам и проданный всего за восемь тысяч рубл. в 1906 г.

Я, по окончании образования, состоял на госуд. службе – по ведомству Минист. Земледелия и госуд. им. смотрителем Баскунчакского и Чапчачинского соляных промыслов и прилегающих к ним каз. зем. оброчн. статей с 21. V. 1883 г. по 5. II. 1885; попечителем улусов Калмыцкой степи Астрах. губ. (Эркетеневского – с 5 V 1885 г. по 8 VII 1885 и Малодербетовского с 8 VII 1885 по 8 VII 1891 г.); по Управлению Удельными именениями (Подлужанским Ров. у. Волынской губ. с 8 VI (описка в рукописи? – Ю.Ч.) 91 по 27 VII 1895 г., Помаевским Буинского у. Симбирск. губ. с 27 VII 1895 г. по 7 II 1898 г., Казанским Казанск. у.

и губ. с 7 I 89 по 27 IX 1908 г.), в состав каковых имений входили главн. обр. леса и в небольшой части с.х. угодья. Затем, я оставил госуд. службу и жил частью на пенсию, частью на заработки по вольному найму: заведывал лесами и с.х. землями Кр. Земел. Банка по Курмышскому и частью Ардатовскому уездам Симб. губ. (в 1910-1912 гг), заведывал частным лесопромышленным предприятием А.А.Губина (в 1913-1917 гг.), составлял коллекции птиц и зверей Астр. края для возникшего в то время Астр. гос. университета (в 1918 г.). С 1 I 19 г. вновь поступил на госуд. службу: служил в г. Астрахани по Губстатбюро заведующим секцией объединено-ведомственной статистики (с 1 I 19 по 1 VII 19); отсюда мобилизован 1 VIII 19 в чрезв. дров. комиссию при Губземкоме Губсовнархоза на должность технического руководителя заготовки тв. топлива в губернии и по упразднении чрезвычайдровкома оставлен при Гублескоме заведующим п/отделом операционного производства Лесозаготовительного отдела Гублескома; отсюда мобилизован в Губземуправление, где служил завлесотделом с 1 VII 20 по 1 V 23 г., губинспектором лесов Астр. губ. со врем. исполнением обязанностей завлесотделом с V 23 по 5 VII 27 г. Затем служил директором состоявшего в ведении Главнауки НКП госуд. заповедника в ... (неразборчиво – трост. или прот. – Ю.Ч.) части дельты Волги с 5 VII 27 по 13 XI 29, когда после тяжелой и продолж. болезни был признан инвалидом 2-й категории. Затем, получал пенсию 74 р. 80 к. в месяц, служил научным сотрудником Астрах. краев. музея с 1 VIII 1930 по 1 VII 1931 г. по обработке зоолог. коллекций, главн. обр. птиц и зверей музея, получал зарплаты 90 р. в месяц.

Оставил госуд. службу до революции в чине статского советника (в 1908 г.). Движимого имущества не имею. На военной службе не состоял (прострелена рука). Под судом не был и в админ. порядке наказания или взысканиям не подвергался.

Отец (Алексей Иванович Хлебников) родился в 1801 г., кончил курс в Астр. губ. гимназии 16 VII 1816 г., умер в 1871 г. Я кончил Астр. гимназию в 1876 г. В число студентов Петерб. унив. поступил 3 XII 1877, перейдя из Петерб. Р...(неразб.) с.х. академии.

Председательство родит. комитета Каз. реал. училища в зиму 1905/6 гг. Родился 11 VI 1857 г., мать умерла в 1875 г.»

(Опять разночтения в датах рождения. На листе 1 в этом же деле его рукой написано 14 (26) VII 57, а на этом 11 VI 1857 – возможно дата рождения и крещения, или реальная – одна, паспортная – другая).

Ещё один фрагмент автобиографии не связанный с предыдущими:

«Студентом Университета совершил летом 1879 г. фаунистическую экскурсию в Боров. у. Новгор. губ. участвовал летом 1880 г. в Мурманской экспедиции проф. Петерб. университета М.Н.Богданова и экскурсировал летом 1881 г. в дельте Волги. Мои орнитологич. наблюдения

летом 1880 г. помещены в статье участника Мурман. экспедиции А.М.Никольского (ныне Академика Киевской академии наук) «Орнитологич. наблюдения на Белом море и Мурманском берегу летом 1880 г. (Труды Петерб. общества естествоиспытателей, 1886 г.).

Результаты моих экскурсий в Новгор. губ. и в дельту Волги использованы мною в моих печатных трудах. Во время заведывания мною Баскуч. и Чапчач. промыслом я попутно изучил земельное положение в б. Киргизской степи б. Астрах. губ., обратив особенное внимание на причины образования материковых дюн (барханных песков) и изыскивая наиболее рациональные методы борьбы с ними и использования их. В результате этого обследования мною был предложен в 1884 г. способ закрепления сыпучих песков местными травами, оказавшийся на практике удачным и широко применяемый в Астрах. крае до сего времени, быстро сократив площадь сыпучих песков, задерживая дальнейшее развитие их, обогащая Астр. край кормовыми запасами и тем содействуя росту скотоводческого хозяйства.

В 1889 и 1890 гг. работал по подготовке характеризующих Астрах. край экспонатов для бывшей в 1890 г. в г. Казани научно-промышленной выставке Поволжья и востока России и был на этой выставке по научному отделу её представителем от б. Астрах. губ. Научные экспонаты Астрах. губ. фигурировали на означенной выставке под флагами Общества исследователей Астрах. края и Управления земледелия, госуд. имуществ и калмыцким народом Астрах. губ. Лично мною была при этом собрана коллекция птиц и зверей Астрах. Края, палеонтологическая с г. Большого Богдо и коллекция предметов, характеризующих быт Астрах. калмыков. По закрытии выставки, все экспонаты названных учреждений и некоторые из принадлежавших частным экспонентам были возвращены в Астрахань и поступили в возникавший одновременно с Казанской выставкой Астрах. краеведческий музей при моём участии в организации этого учреждения. Общество исследователей Астрах. края и Управление земледелия, госуд. имуществ и калмыцким народом Астрах. губ. получили на Казанской выставке за свои экспонаты высшие награды – почётные отзывы.

Служа в г. Казани по Удел. ведомству (1898-1908 гг.) я работал: по организации зоол. отдела Каз. гор. Музея в качестве члена-сотрудника последнего; по организации школьного передвижного естеств. историч. музея для школ Казани; уездных земств (??? неразборчиво – Ю.Ч.) по рыбоводству в качестве члена правления Казанского общества рыбоводства и рыболовства; по пчеловодству в качестве члена Совета общества пчеловодов Каз. губ.; принимал так же участие в статистическом обследовании кустарных промыслов Каз. губ., производившимся управой Каз. губ. земства. Служа в 1910-1912 гг. в Симбирском отделении Кр. зам. банка, я составил программу статистического обследования

хуторских хозяйств на землях Кр. банка.

В Астрахани (1912 -) я работал по изучению Астр. края нар. просвещении (? неразборчиво – Ю.Ч.) также в качестве председателя Общества исследователей Астрах. края. (1914-1923 гг.) члена совета назв. Общества (1923-1927 гг.), члена правления краевого музея (1914-1927 гг), члена совета Астр. общ-ва народных университетов; по учреждению и организации Астрах. госуд. заповедника в качестве члена Комиссии при Астр. гос. университете и председателя межведомственной комиссии по охране природы. Впервые вопрос о заповеднике поднимался мною в 1913 и 1917 гг. в обществе исследователей Астрах. края, по настоящему не удалось осуществить это мероприятие в связи с мировой войной (1914) и политическими событиями (1917).

(Здесь на полях сноска: «насколько позволяли условия службы, я везде занимался фаунистическими наблюдениями»).

Коллекции мои (главным образом птиц и зверей) поступали в Петерб., Московский, Харьковский, Казанский и Астрах. Госуд. университеты, в Академию наук, в Астраханский краевед. Музей, Казанск. Гор. музей, в Астрах. и Саратов. Реал. Училища. Удостоен (23 XII 1890) звания почётн. члена Общ. иссл. Астр. края и 13 XI 1895 звания корреспондента зоол. Музея академии наук.»

На машинописных листах автобиографии содержатся сведения с 1 и 4 листов рукописи. Машинописный текст составлен до 1927 года, т.к. в нем значится, что на момент составления его, В.А. состоит Губинспектором лесов – т.е. до перехода в заповедник.

В машинописной рукописи есть такие строки (л. 6): «Имущественное положение: имущества, кроме необходимых предметов домашнего обихода, не имею, – живу личным заработком. На моем иждивении – нетрудоспособная больная жена.

В политических партиях не состоял и не состою. Состоял в Союзе Совслужащих с 1/II-19 г. по 1/VII-20 г., с какового времени состою в союзе Рабземлеса».

Приведённые фрагменты автобиографии Владимира Алексеевича, на мой взгляд, достаточно полно освещают почти все направления его многосторонней и разнообразной деятельности. За достаточно долгую жизнь Владимир Алексеевич накопил огромный опыт природопользования: он управлял соляными промыслами, решал хозяйственные и административные вопросы жизни калмыцкой степи, значительную часть жизни посвятил организации лесохозяйственной деятельности и землепользования. Но всегда и везде основная его работа сопровождалась, как бы между прочим, исследовательской. На Баскунчаке он разрабатывает методы закрепления песков, в калмыцкой степи изучает скотопрогонные пути, возможности табаководства. В казанском имении – занимается борьбой с водной эрозией, а также вопросами

рыбоводства и пчеловодства. А о вкладе его в изучение природы Астраханского края и говорить нечего – настолько он велик. Здесь и непосредственное участие в создании краеведческого музея и Астраханского государственного заповедника. Значителен перечень учреждений, которые получали от него музейные экспонаты. Причем спектр их широк – от Зоологического музея Академии наук в Петербурге до передвижной выставки для казанских школ.

Большая семья требовала значительных средств на содержание и образование детей. Поэтому почти везде, где они жили и где позволяли условия, заводилось хозяйство – коровы, свиньи, куры. Сажались сады и огороды. Устраивалась пасека.

И при этом везде и всегда Владимир Алексеевич старался выкроить время для дорогих его сердцу «Астраханских птиц». Это были немногие часы отдыха и удовольствия!

Что же стало с рукописью? Она просто могла пропасть в трудные годы, которые переживала семья Хлебниковых после смерти Владимира Алексеевича. Не исключено, что были люди, заинтересованные в том, чтобы она не была опубликована.

Так, ставший позже известным орнитологом Константин Александрович Воробьёв, проработавший несколько лет рядом с Владимиром Алексеевичем в Астраханском заповеднике, сделал вид, что ничего не знает о многолетнем его труде. В одном из писем из Москвы в Астрахань он «удивлён» хлебниковской публикацией списка птиц Астраханской губернии (7 декабря 1928 года): «Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич! Очень благодарен за присылку Вашей работы. Для меня это была приятная неожиданность. Я ведь не знал, что Вы выпустите этот список. Жаль, что Вы не воспользовались новыми данными, собранными мною за последние годы <...> Кроме того, тогда бы можно было бы избежать ряда ошибок и неточностей...». А в своей широко известной и несколько раз переиздававшейся книге «Записки орнитолога» К.А.Воробьёв вообще не упоминает орнитологические работы Хлебникова (Воробьёв 1978).

Рукопись В.А.Хлебникова могла попасть в руки Добросмыслова и пропасть вместе со всеми его материалами. Могла она осесть и в материалах Г.А.Кривоносова...

В 1908 году в Казани в трудах Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете была опубликована работа Владимира Алексеевича Хлебникова «О когтях на крыльях птиц». Над ней он тоже работал многие годы. К публикации его постоянно подталкивали и А.М.Никольский, и М.А.Мензбир. Вот что писал по этому поводу В.А.Хлебникову профессор Казанского университета А.А.Остроумов (21 февраля 1908): «Многоуважаемый Владимир Алексеевич. С чувством живого интереса ознакомился с Вашей работой о кр. когтях

птиц. Вам не следует более медлить и надо теперь же приступить к печатанию в Трудах Каз. Общ. Ест. Может быть, в перечне птиц вместо графы для примечаний, которая будет занимать довольно много места, употребить систему подстрочных сносок. Думаю также, что полезно было бы в конце статьи поместить список литературы по данному предмету, отметив особо те статьи, в которых есть рисунки кр. когтей. Что касается Ваших рисунков, то полагаю, что Вам лучше самому выбрать некоторое количество из них для приложения к Вашей статье. Ваш А.Остроумов».

Эта работа – одна из немногих завершённых и опубликованных орнитологических работ В.А.Хлебникова – тоже достаточно интересна. В первую очередь тем, что она является ярким выражением его взглядов – взглядов дарвиниста.

В этой работе Владимир Алексеевич писал: «Ещё в 1811 г. было известно..., что на первом и втором пальцах крыла страусовидных птиц и паламедей и только на первом пальце у хищных, стрижей и многих болотных и водоплавающих птиц встречаются когти. Позднейшими исследованиями... и рядом палеонтологических находок доказана общность происхождения современных птиц и пресмыкающихся от общих исчезнувших с лица Земли ящеровидных животных. Все авторы, писавшие о крыловых когтях, признают их бесполезность в жизни птиц... Таким образом, не подлежит сомнению, с точки зрения эволюционной теории, что современные птицы обладают крыловыми когтями только в силу наследственности от организмов, которые пользовались передними конечностями для хождения».

По мнению Хлебникова, несмотря на общую ясность вопроса, многие детали строения «крыловых когтей» ещё не были изучены. Этому препятствует сложность или невозможность изучения их на музейных образцах, когда шкурки и чучела птиц высушены. При этом коготки часто в процессе обработки или хранения экспонатов просто легко отламываются и таким образом теряются.

«Я изучал крыловые когти, – пишет Хлебников, – преимущественно попутно при коллекционировании птиц европейской России. Список осмотренных мною видов как моей коллекции, так и музеев, в которые я имел доступ, помещён в особой таблице, в которую включены и сведения, почерпнутые мною из литературы».

Список этот содержит 350 видов! Трудно сказать, скольких из них Владимир Алексеевич непосредственно держал в своих руках. Но, думаю, что почти всех.

А вот выводы, к которым пришел исследователь: «Собранные в таблице наблюдения, несмотря на свою неполноту, свидетельствуют однако, что исчезновение крыловых когтей прогрессирует в направлении от форм древних к новейшим: среди первых крыловые когти пре-

обладают, среди вторых встречаются редко. Но такое впечатление производит обзор форм только крайних древних и новейших. В промежуточных же ярусах родословной птиц эта филогенетическая связь ускользает от наблюдения. Здесь статистический обзор наличных фактов не обнаруживает постепенности в исчезновении крыловых когтей...». Вот так заканчивает Хлебников свою работу о коготках на крыльях птиц.

Хочется надеяться, что мнение о том, что рукописи не горят, оправдается. И когда-нибудь рукопись Владимира Алексеевича – труд всей его долгой и не простой жизни – неожиданным образом найдётся.

Литература

Воробьев К.А. 1978. *Записки орнитолога*. М.: 1-176.

Чуйков Ю.С. 1996. *Почему тускнеют жемчужины*. Астрахань: 1-248.

Чуйков Ю.С. 2011. Владимир Алексеевич Хлебников – «неизвестный» орнитолог // *Рус. орнитол. журн.* **20** (673): 1411-1419.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **689**: 1865-1868

К экологии щура *Pinicola enucleator* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Борис Васильевич Щербаков. Казахстанское отделение Мензбирова орнитологического общества, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, г. Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан.
E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 18 сентября 2011

Щур *Pinicola enucleator kamtschatkensis* Dybowski, 1883 – оседлый вид горно-таёжной части Западного Алтая. Обитает на Линейском, Ивановском и Холзунском хребтах, включая истоки Белой и Чёрной Убы, где населяет кедровники и кедрово-пихтовые леса с примесью лиственницы в высотных пределах 1700-2000 м над уровнем моря. При этом Линейский хребет полностью входит в гнездовой ареал щура; на Ивановском хребте доходит на юго-запад до вершин «Три брата» в 10 км северо-восточнее Риддера.

Для гнездования щур избирает разреженные старые кедровники с участием пихты и ели, иногда берёзы, под которыми обычно слабо развит травянистый покров и почва покрыта опавшей хвоей, с редкими кустами жимолости алтайской *Lonicera altaica*, осокой и прочей раз-

реженной травянистой растительностью. Однажды гнездо было найдено на краю пихтового леса у глыбовой россыпи – «корума».

Об образовании пар и начале постройки гнёзд приходится судить, опираясь лишь на косвенные наблюдения. Так, две пары щуров, по видимому, ещё не приступившие к гнездованию, наблюдались 12 мая 1973 на Ивановском хребте в верховьях речки Колотушки (1700 м) у вершин «Три Брата». Они подолгу кормились, отдыхали и принимали солнечные ванны. По всей видимости, к гнездованию щуры приступают в начале июня, когда в поясе леса, расположенного на высотах от 1800-2000 м н.у.м., где сосредоточены кедрово-лиственничные формации, начинают таять снега, лежащие по тенистым подветренным склонам и по ущельям северных экспозиций. У самца, добытого 8 июня 1969 в районе вершин «Три брата» (1900 м н.у.м.), семенники достигали максимальных размеров: правый 8×8, левый 9×8 мм.

По сведениям М.А.Кузьминой (1974), щуры устраивают гнёзда у основного ствола дерева на высоте 2-4 м. Обнаруженное нами 1 июля 1974 гнездо находилось на высоте примерно 12 м с северной стороны старого кедра *Pinus sibirica*. Устроено оно было у вершины боковой ветки в 2.5 м от ствола. Оно было хорошо замаскировано ветвями соседнего кедра, так что снизу практически было не заметно. Постройка представляла довольно рыхлое чашевидное сооружение. Его каркас был сделан из тонких веточек жимолости алтайской, лоток дополнительно выстлан хвоей кедра и тонкими стебельками прошлогодних злаков. Хвоинки в гнезде были засохшими и гнездо имело рыжеватые тона. Его наружный диаметр 12.3 см, диаметр лотка 9 см, глубина лотка 4.5 см, общая высота гнезда 4.8 см. Кладка содержала 4 голубоватых яйца с тёмно-бурыми пятнышками, сгущенными у тупого конца. Размеры яиц, мм: 27×18; 27×18; 26×17,5; 27×17.

Первый птенец в этом гнезде вывелся утром 3 июля в половине девятого; в 11 ч появился второй; третье яйцо в это время было уже проклюнуто, а в 17 ч в гнезде было уже 4 птенца. Последний из них был ещё не обсохшим. Как видно, процесс вылупления проходил в течение 9 ч, что говорит о том, что насиживание у них начинается после откладки последнего яйца.

Сверху ещё «слепые» птенцы были покрыты светло-серым, точнее дымчатым пухом; ротовая полость была желтоватой. Кладку во время наших наблюдений насиживала только самка. Во время осмотра гнезда, подпустив метра на два, она бесшумно соскакивала с гнезда и моментально бесшумно исчезала среди ветвей кедра. В день вылупления птенцов самец за 4 ч прилетел к ней с кормом 5 раз. Каждый раз при этом он садился сначала в 20-30 м на соседнее дерево и издавал негромко посвистывание. Примерно через минуту к нему подлетала самка. Имитируя птенца с тихим посвистом «*вит-вит-вит...*», потре-

сывая при этом крыльями, она выпрашивала корм. После появления первого птенца гнезда она не оставляла. Самец теперь сам подлетал и кормил её на гнезде.

С нашего наблюдательного пункта, расположенного примерно в 15 м от гнезда, писк птенцов, который можно передать как «*вит-вит-вит...*», стал слышен только на 14-й день. Уже оперившиеся птенцы в отсутствии взрослых вытягивали шеи и, свесив головы с края гнезда, подолгу осматривались. Время от времени поочередно они по одному выходили на край гнезда и в среднем минут по 5 сидели неподвижно. После чего вновь возвращались в гнездо. Сидящие на краю гнезда первыми встречали единовременно прилетающих родителей с кормом, выпрашивая его. Во второй половине дня 18 июля во время нашего приближения к гнезду, подпустив на 1 м, они разом выпорхнули из него. По полёту было видно, что к вылету они не были ещё готовы: полёт сопровождался медленным снижением под углом примерно в 30°. При этом 3 птенца, отлетев метров на 20, упали в траву, один из них спрятался тут же на кедре среди ветвей. Однако уже через минуту после их вылета слышались их призывные голоса, но увидев человека, они тут же замолкали. Родители, обнаружив отсутствие птенцов в гнезде, начали настойчиво тихими посвистами звать их позывные меланхолические голоса: «*тю-ли-ви, тю-ля-ви, тю-тли-ти-вит, ти-литвиу, ти-ли-ли-ти-ви-ти-ти-ви-ли-ли, трр-тви-тють*». До 23 июля в этом месте неоднократно наблюдались взрослые с полными корма подъязычными мешками, однако выследить птенцов не удалось. Исходя из наблюдений можно считать, что птенцы в гнезде щура находятся примерно 15-16 сут и вылет у них в нашем районе на этих высотах происходит в середине июля. По времени это совпадает с гнездованием щуров на Верхней Лене в Восточной Сибири (Реймерс 1966).

Беспокойство взрослых при появлении у гнезда человека выражается в том, что они садятся на вершину кедра, совершают короткие прыжки с ветки на ветку, вскидывая крылья и хвост; самец в это время постоянно издает тихие звуки: «*тю-ли, тю-ии, тили-ви, тю-вит, тю-ви, ти-ли, ти-ли-вит...*».

В 1971 году пара щуров, самец и самка и с большим наседным пятном, добыты 9 июля в смешанном кедрово-еловом лесу у вершины Линецкого хребта, носящей название «Кучин белок» (1900 м), а 31 июля в верховьях речки Палевой, на северо-западном склоне Ивановского хребта (1700 м) в чистом кедровнике добыта самка, проявляющая сильное беспокойство. В её клюве и подъязычных мешках находились очищенные кедровые «орешки» и насекомые.

Гнездо с 3 оперёнными птенцами найдено 15 июля 1976 на южном склоне западной конечности Линецкого хребта у истоков Белой Убы (1750 м). Устроено оно было также на кедре на высоте 6 м. Ещё одно

гнездо с 3 прозревшими птенцами обнаружено 2 июля 1975 на кедре на северном склоне Линейского хребта (1700 м н.у.м.) у места впадения в Чёрную Убу реки Чернушки, сбегаящей по щели и разделяющей хребты Коксинский и Холзун. Находилось оно около основного ствола старой ели *Picea obovata* на высоте около 10 м.

В период послегнездовых кочёвок нераспавшиеся семьи щуров наблюдались в октябре-ноябре 1972-1983 годов в восточной части Ивановского хребта среди кедрово-пихтово-лиственничной тайги восточнее Лениногорска (Риддера). Также в это время они держались парами и семьями. Все наблюдаемые щуры в это время продвигались вдоль хребта в западном направлении. 27 сентября 1976 взрослые самец и самка наблюдались в верховьях Белой Убы у озера Кедрового на северо-западном склоне Ивановского хребта в чистых кедровниках (1850 м) вместе с молодыми. Взрослые выбирали из упавших на землю кедровых шишек «орехи», расщёлкивали их и отдавали ядра выпрашивающим у них корм молодым, хотя молодые уже были не отличимы от взрослой самки. Вероятно, молодые щуры ещё не научились самостоятельно расщёлкивать твердую скорлупу «орешков».

П.П.Сушкин (1938) считал, что с наступлением зимы щуры редко покидают верхний пояс горного леса. Это следует и из наших наблюдений, однако в годы неурожая кедровых орехов щуры оставляют этот пояс и кочуют у подножия гор, спускаясь до высоты примерно 1000 м. В это время неоднократно наблюдались стайки по 5-7 особей, кормящиеся семенами рябины и выбрасывающие при этом мякоть. В желудках трёх добытых зимой щуров обнаружены очищенные ядра семян кедра, их мелкая скорлупа и раздавленные семена рябины.

В некоторые зимы щуры могут откочёвывать из района гнездования в западном направлении в степные предгорья за пределы горной тайги. Так, 4 стайки щуров из 5-9 птиц встречены 28 октября 1968 в смешанном лесу близ Лениногорска. В середине октября 1961 года самец щура, издающий позывку на вершине тополя *Populus nigra*, наблюдался и в городе Усть-Каменогорске.

Л и т е р а т у р а

- Кузьмина М.А. 1974. Род Щур – *Pinicola* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 5: 318-320.
- Реймерс И.Ф. 1966. *Птицы и млекопитающие южной тайги Средней Сибири*. М.; Л.: 1-420.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 2: 1-436.

Рыжепоясничная ласточка *Cecropis daurica* – новый вид авифауны Командорских островов

Д.Ю.Уткин, В.В.Фомин

Дмитрий Юрьевич Уткин. E-mail: utkindim@mail.ru

Владимир Васильевич Фомин. Северо-Восточное территориальное управление Федерального агентства по рыболовству, отдел контроля, надзора и охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания по Усть-Камчатскому району (Алеутский), ул. Академика Королёва, д. 58, Петропавловск-Камчатский 683009, Россия. E-mail: fominV_V@mail.ru

Поступила в редакцию 20 сентября 2011

Одиночную ласточку наблюдали 20 июня 2011 в селе Никольское на острове Беринга (Командорские острова). Птицу, сидевшую на проводах, заметили в нижней части села около здания Алеутского краеведческого музея в 11 ч 34 мин, после чего в течение 15 мин фотографировали её двумя камерами (см. рисунок). Анализ фотографий, выполненный орнитологами Ю.Б.Артюхиным (КФ ТИГ ДВО РАН, Петропавловск-Камчатский), Е.А.Кобликом (ЗМ МГУ, Москва) и В.А.Нечаевым (БПИ ДВО РАН, Владивосток), показал, что эта птица – рыжепоясничная ласточка *Cecropis daurica* (Laxmann, 1769).

Рыжепоясничная ласточка *Cecropis daurica*.

Село Никольское, Командорские острова, 20 июня 2011. Фото Д.Ю.Уткина.

Данная регистрация рыжепоясничной ласточки – первая для Командорских островов. Ранее в Камчатском крае залёт этого вида наблюдали однажды на охотоморском побережье полуострова Камчатка

(Остапенко и др. 1977; Артюхин и др. 2000). Судя по фотографиям, наблюдавшаяся особь принадлежит к подвиду *Cecropis daurica japonica* (Temminck et Schlehel, 1845), который на территории российского Дальнего Востока населяет Приморский край, Среднее и Нижнее Приамурье (Нечаев, Гамова 2009).

Л и т е р а т у р а

- Артюхин Ю.Б., Герасимов Ю.Н., Лобков Е.Г. 2000. Класс Aves – Птицы // *Каталог позвоночных Камчатки и сопредельных морских акваторий*. Петропавловск-Камчатский: 73-99.
- Нечаев В.А., Гамова Т.В. 2009. *Птицы Дальнего Востока России (аннотированный каталог)*. Владивосток: 1-564.
- Остапенко В.А., Гаврилов В.М., Ефремов В.Д., Голубева Т.Б. 1977. О некоторых интересных находках птиц на Камчатке и о-ве Кунашир // *Орнитология* 13: 192-193.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 689: 1870-1871

Вяхирь *Columba palumbus* – новый гнездящийся вид Алма-Аты

Ф.Ф.Карпов, Н.Н.Березовиков

*Второе издание. Первая публикация в 1994**

До 1984 года вяхирь *Columba palumbus* в городе Алма-Ате орнитологами не отмечался (Шнитников 1949; Долгушин 1962; Бородихин 1968; Корелов и др. 1988). Населяя горы юга и юго-востока Казахстана, туркестанский подвид вяхиря *C. p. casiotis* (Bonaparte, 1854) считался одной из наиболее осторожных птиц, избегающей культурного ландшафта. Однако со второй половины 1980-х годов численность вяхиря стала заметно возрастать. Он начинает гнездиться в лесополосах предгорных долин Таласского и Джунгарского Алатау, а в период миграций с 1984 года неоднократно отмечался в Главном Ботаническом саду Алма-Аты (ГБС НАН РК). С 1992 года на территории ГБС отдельные пары вяхирей встречались в течение всего гнездового периода, отмечались их воркование и токовые полёты. В последних числах июня 1992 здесь наблюдали двух молодых птиц. И, наконец, 2 августа 1994 при специальных поисках найдено гнездо с насиживающей птицей.

* Карпов Ф.Ф., Березовиков Н.Н. 1994. Вяхирь (*Columba palumbus* L.) – новый гнездящийся вид г. Алма-Аты // *Selevinia* 2, 4: 34.

Располагалось оно на одной из центральных аллей, в верхней части кроны липы, на высоте 15 м от земли, на пересечении двух горизонтальных боковых веток, в 1.5 м от ствола. В это же время в другой части ботанического сада слышали воркование самца, а в двух разных местах, где прежде отмечали взрослых птиц, нашли скорлупу 2 яиц этих голубей. Вылупление птенцов в найденном гнезде произошло 19 августа и до 30 августа взрослые поочередно обогревали их в течение суток. Два птенца вылетели утром 7 сентября и весь день провели на гнездовом дереве. На следующий день они переместились на 15 м в сторону в экспозицию хвойных деревьев, где до 14 сентября держались в густой кроне одной из елей и докармливались родителями. Одна из взрослых птиц постоянно находилась рядом, явно охраняя молодых.

Для туркестанского вяхиря до последнего времени предполагалось наличие двух кладок за сезон (Долгушин 1962; Иванов 1969; Абдусаламов 1971). Описанный случай столь поздней находки гнезда, несомненно, свидетельствует о втором репродуктивном цикле у этого вида.

Л и т е р а т у р а

- Абдусаламов И.А. 1971. Фауна Таджикской ССР. Птицы. Душанбе, 19, 1: 1-403.
Бородихин И.Ф. 1968. Птицы Алма-Аты. Алма-Ата: 1-121.
Долгушин И.А. 1962. Голуби – *Columbae* // Птицы Казахстана. Алма-Ата, 2: 328-369.
Корелов М.Н., Губин Б.М., Левин А.С. 1988. Формирование и состав авифауны // Позвоночные животные Алма-Аты. Алма-Ата: 51-57.
Иванов А.И. 1969. Птицы Памиро-Алая. Л.: 1-448.
Шнитников В.Н. 1949. Птицы Семиречья. М.; Л.: 1-665.

